

ЗАКОЛДОВАНЕ МЪСЛО.

Ташкент

Н.В. Гоголя.

Издательство

Издательство

Издание А.Ф. Марка.

СПБ.

3-е издание.

Цена 5 коп.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. Н. ТЕРПИГОРЕВА

(С. АТАВЫ),

изданное под редакціею С. Н. ШУБИНСКАГО, въ шести томахъ in 8^о, съ критико-біографическимъ очеркомъ, составленнымъ П. В. Быковымъ, и съ портретомъ автора, исполненнымъ гелиографіею.

Содержаніе отдѣльныхъ томовъ:

ТОМЪ I. С. Н. ТЕРПИГОРЕВЪ. Біографическій очеркъ П. В. Быкова.—Отъ автора.—Оскудѣніе: „Благородные“. Часть I-я. Отцы. I. Увертюра. II. Рациональные хозяева. III. Новый баринъ. IV. Нашъ послѣдній расцвѣтъ. V. Поземельный кредитъ. VI. Отхожіе промыслы. VII. На промыслахъ. VIII. Кустарная промышленность. IX. Тихія пристани. X. Бродячіе. XI. Итого.

ТОМЪ II. Оскудѣніе: „Благородные“. Часть II-я. Матери. I. Бабушка. II. Кукушка. III. Шалая. IV. Неутолимая. V. Овца.—Желтая книга.—Сказаніе о новыхъ княгиняхъ и старыхъ князьяхъ. I. Княгиня Ундальчева. II. Княгиня Ухнемъ. III. Княгиня Вольская.

ТОМЪ III. Потревоженные тѣни. I. Въ раю. II. Бабушка Аграфена Ниловна. III. Тетенька Клавдія Васильевна. IV. Илья Игнатьевичъ, богатый человекъ. V. Проданная дѣти. VI. Первая охота. VII. Дядина любовь. VIII. Дворянинъ Евстигней Чарыковъ. IX. Маша—Марса. X. Вице-королева Неаполитанская. XI. Двѣ жизни—поконченная и призванная. XII. Емельяновскія узницы. XIII. Юда. XIV. Праздникъ Венеры.

ТОМЪ IV. Повѣсти и рассказы. I. Марейнино счастье. II. Чайная роза. III. Безъ воздуха. IV. На старомъ гнѣздѣ. V. Сморчки. VI. Галченкокъ. VII. Вѣчная загадка. VIII. Записки сытаго человекъ.

ТОМЪ V. Повѣсти и рассказы. I. Чужой каравай. II. Братья Голубчиковы. III. Горе доктора Элеонскаго. IV. Странанія и приключенія вдовы Пересыпкиной. V. Горестная и радостная приключенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Анчуткина и дѣвницы Амаліи Шмандтъ. VI. Дѣвочку шести лѣтъ желаютъ отдать совсѣмъ. VII. Стрекаловская барышня. VIII. Тамбовскіе Семирамидины сады. IX. Князь Иванъ. X. Аверьянъ Михѣевъ и его жильцы. XI. Жоржъ. XII. Соничкинъ сынъ. XIII. Съ простымъ взглядомъ. XIV. Съ нѣжными чувствами. XV. Въ духъ времени. XVI. Предопредѣленіе или Борьба Куциныхъ съ апельсинщикомъ. XVII. Баба. XVIII. Сліяніе (комедія).

ТОМЪ VI. Историческіе рассказы. I. Лакейская столица. II. Солотчинскіе монахи и ихъ крѣпостные. III. Раскаты Стенькина грома въ Тамбовской землѣ.—Дорожные очерки. I. Въ странѣ фонтановъ и колпаковъ. II. Съ дороги. III. По тихому Дону.—Воспоминанія.—Умершій писатель.

Изданіе отпечатано въ удобномъ форматѣ in 8^о, на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и содержитъ въ себѣ: томъ I—XXXVI + 494 страницы, т. II—543 стр., т. III—722 стр., т. IV—573 стр., т. V—589 стр. и т. VI—641 стр., всего—XXXVI+3562 страницы.

Цѣна за 6 томовъ—9 руб., съ пересылкою—10 руб., въ 6-ти изящныхъ коленкорovýchъ переплетахъ—12 руб., съ пересылкою 13 руб. 25 коп.

Майковъ, Л. Н. „БАТЮШКОВЪ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ“. 2-е, вновь пересмотрѣнное изданіе съ портретомъ К. Н. Батюшкова, гравир. на стали Ф. А. Брокгаузомъ и печатаннымъ на японской бумагѣ. Большой, красиво изданный томъ, около 300 стран. большого 8^о, отпечатан. на превосходной бумагѣ. Цѣна 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 р.

Н. ГОГОЛЬ.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МѢСТО.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ 14 рисунками И. ХРАБРОВА и виньеткою Р. ШТЕЙНА.

(Собствени. А. Ф. МАРКСА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 іюля 1901 года.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

БЫЛЬ,
*рассказанная дьячкомъ ***ской церкви.*

й Богу, уже надоѣло рассказывать! Да что вы думаете? Право, скучно: рассказывай, да и рассказывай, и отвязаться нельзя! Ну, извольте, я расскажу, только, ей-ей, въ послѣдній разъ. Да, вотъ вы говорили насчетъ того, что

человѣкъ можетъ совладать, какъ говорятъ, съ нечистымъ духомъ. Оно, конечно, то-есть, если хорошенько подумать, бывають на свѣтѣ всякіе случаи... Однакожь, не говорите этого: захочетъ обморочить дьявольская сила, то обморочитъ; ей Богу, обморочитъ!.. Вотъ извольте видѣть: насъ всѣхъ у отца было четверо; я тогда былъ еще дурень, всего мнѣ было лѣтъ одиннадцать... такъ нѣтъ же, не одиннадцать: я помню какъ теперь, когда разъ побѣжалъ было на четверенькахъ и сталъ лаять по-собачьи, батько закричалъ на меня, покачавъ головою: «Эй, Оома, Оома! тебя женить пора, а ты дурѣешь, какъ молодой лошакъ!»

Дѣдъ былъ еще тогда живъ и на ноги, — пусть ему легко икнется на томъ свѣтѣ, — довольно крѣпокъ. Бывало, вздумаетъ... Да что-жь этакъ рассказывать? Одинъ выгребаетъ изъ печки цѣлый часъ уголь для своей трубки, другой зачѣмъ-то побѣжалъ за комору. Чтò, въ самомъ дѣлѣ!.. Добро бы поневоля, а то вѣдь сами же напросились... Слушать, такъ слушать!

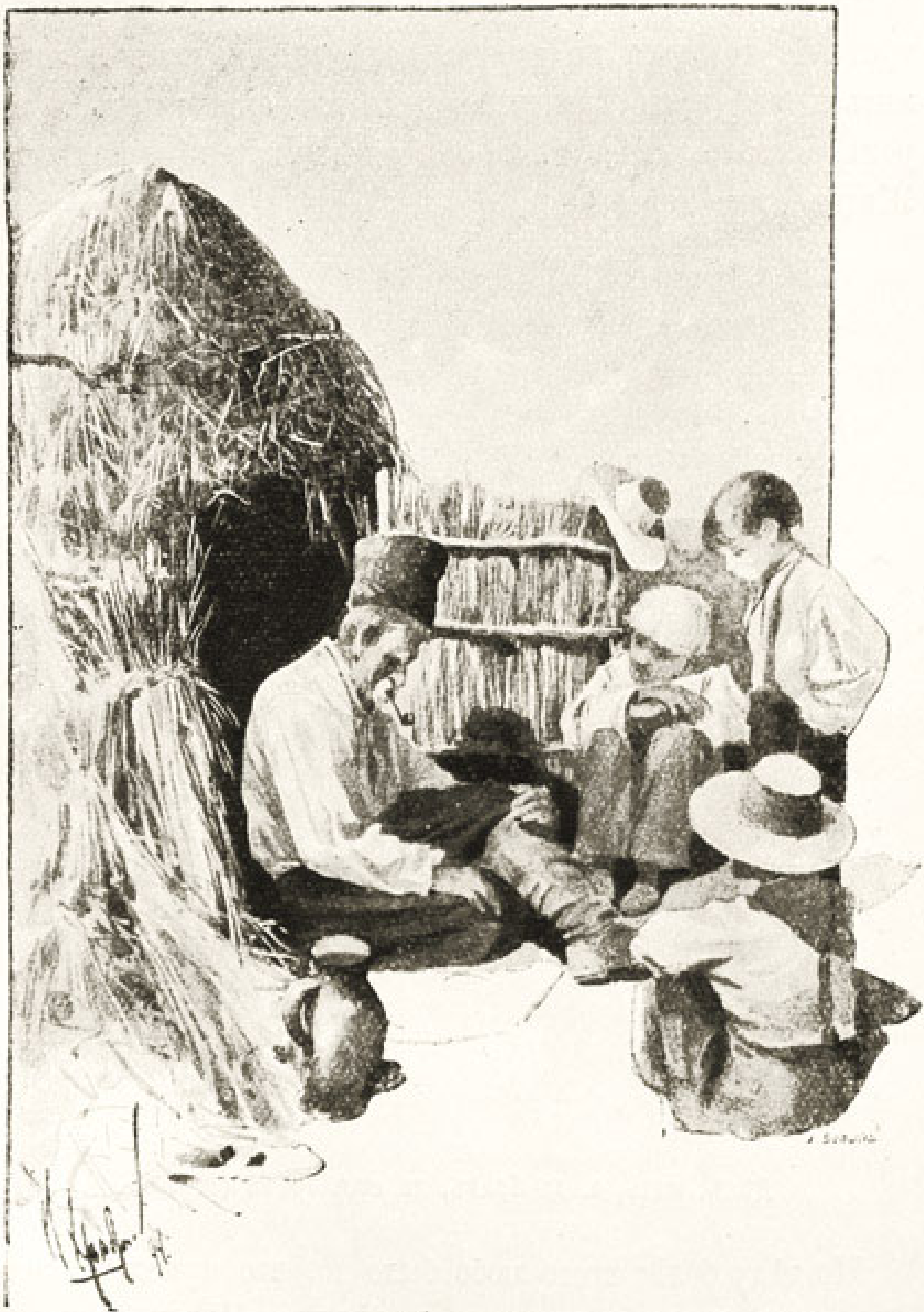
Батька еще въ началѣ весны повезъ въ Крымъ на продажу табакъ; не помню только, два или три воза снарядилъ онъ; табакъ былъ тогда въ цѣнѣ. Съ собою взялъ онъ трехгодового брата — приучать заранѣе чумаковать; насъ осталось: дѣдъ, мать, я, да братъ, да еще братъ. Дѣдъ засѣялъ баштанъ на самой дорогѣ и перешелъ жить въ курень; взялъ и насъ съ собою гонять воробьевъ и сорокъ съ баштану. Намъ это было, нельзя сказать, чтобы худо: бывало, наѣшься въ день столько огурцовъ, дынь, рѣпы, цыбули, гороху, что въ животѣ, ей Богу, какъ

будто пѣтухи кричатъ. Ну, оно притомъ же и прибыльно: проѣзжіе толкуются по дорогѣ, всякому захочется полакомиться арбузомъ или дыней, да изъ окрестныхъ хуторовъ, бывало, нанесутъ на обмѣнъ куръ, яицъ, индѣекъ. Житѣе было хорошее.

Дѣдъ, мать, я, да братъ, да еще братъ (стр. 4).

Но дѣду болѣе всего любо было то, что чумаковъ каждый день воевъ пятьдесятъ проѣдетъ. Народъ, знаете, бывалый: пойдетъ рассказывать — только уши развѣши-

Дѣдъ застѣялъ баштанъ на самой дорогѣ и перешель жить въ курень;
взялъ и насъ съ собою гонять воробьевъ и соронъ съ баштану (стр. 4).

вай! А дѣду это все равно, что голодному галушки. Иной разъ, бывало, случится встрѣча съ старыми знакомыми,— дѣда всякій уже зналъ,—можете посудить сами, что бываетъ, когда соберется старье: тара, тара, тогда-то, да тогда-то, такое-то, да такое-то было... Ну, и разольются! вспомнятъ, Богъ знаетъ, когдашнее.

Разъ,—ну, вотъ, право, какъ будто теперь случилось,— солнце стало уже садиться, дѣдъ ходилъ по баштану и снималъ съ кавуновъ листья, которыми прикрывалъ ихъ днемъ, чтобы не поеклись на солнцѣ.

«Смотри, Остапъ», говорю я брату: «вонъ чумаки ѣдутъ!»

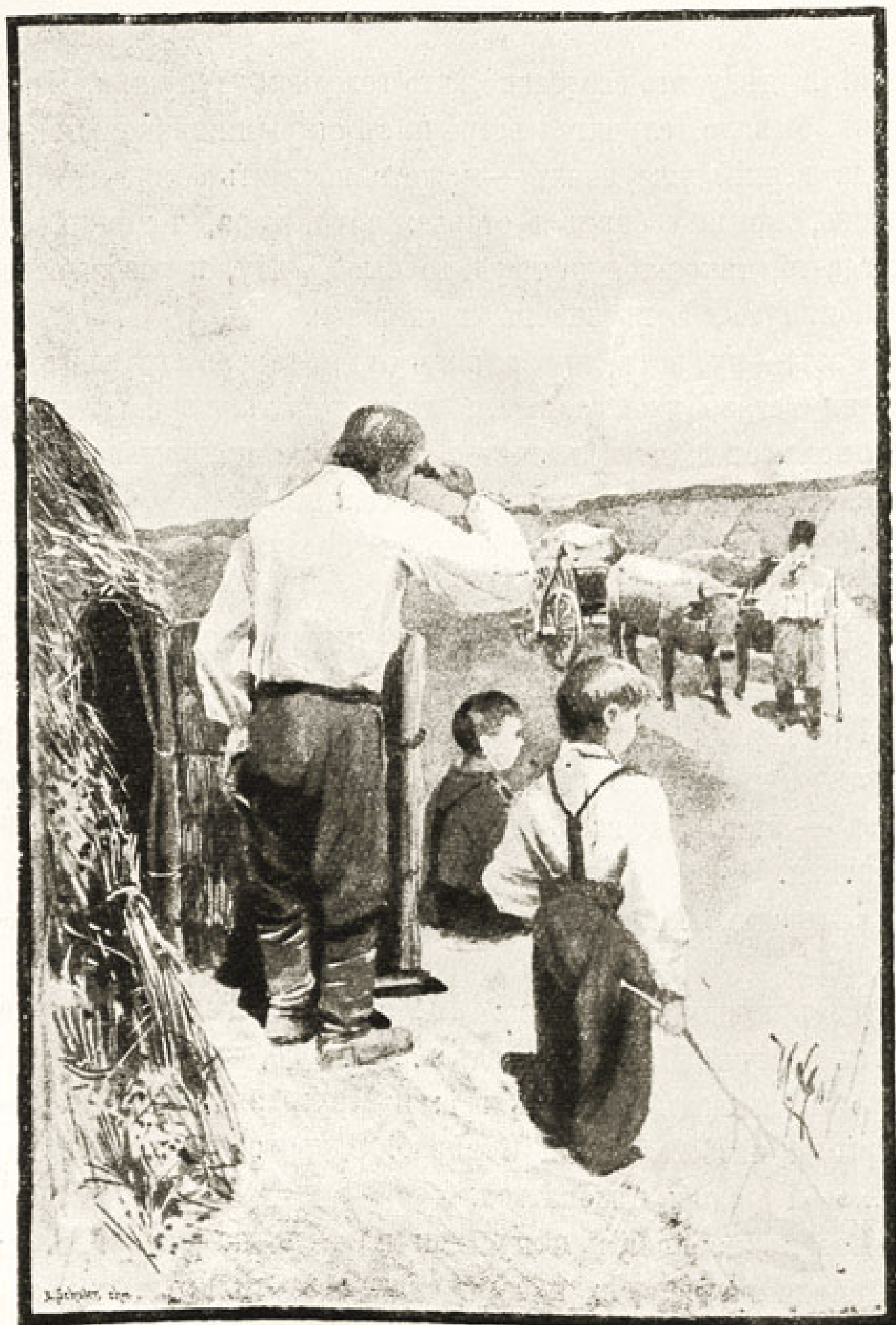
«Гдѣ чумаки?» сказалъ дѣдъ, положивши значокъ на большой дынѣ, чтобы на случай не съѣли хлопцы.

По дорогѣ тянулось, точно, воевъ шесть. Впереди шелъ чумакъ уже съ сизыми усами. Не дошедши шаговъ — какъ бы вамъ сказать? — на десять, онъ остановился.

«Здорово, Максимъ! Вотъ привелъ Богъ гдѣ увидѣться!»

Дѣдъ прищурилъ глаза: «А! здорово, здорово! Откуда Богъ несетъ? И Болячка здѣсь? Здорово, здорово, братъ! Что за дьяволъ! да тутъ всѣ: и Крутотрыщенко! и Печерыця! и Ковелекъ! и Стецько! Здорово! А, га, га! го, го!..» И пошли цѣловаться.

Воловъ распрягли и пустили пастись на траву, возы оставили на дорогѣ; а сами сѣли всѣ въ кружокъ впереди куреня и закурили люльки. Но куда уже тутъ до люлекъ? за розказнями, да за раздобарами врядъ ли и

По дорогѣ тянулось, точно, воевъ шесть. Впереди шель чумакъ уже съ сизыми усами (стр. 7).

по одной дóсталось. Послѣ полдника сталъ дѣдъ потчивать гостей дынями. Вотъ каждый, взявши по дынь, обчистилъ ее чистенько ножикомъ (калачи всѣ были тертые, мыкали не мало, знали уже, какъ ѣдятъ въ свѣтъ, — пожалуй и за панскій столъ, хоть сейчасъ, готовы сѣсть); обчистивши хорошенько, проткнулъ каждый пальцемъ дырочку, выпилъ изъ нея кисель, сталъ рѣзать по кусочкамъ и класть въ ротъ.

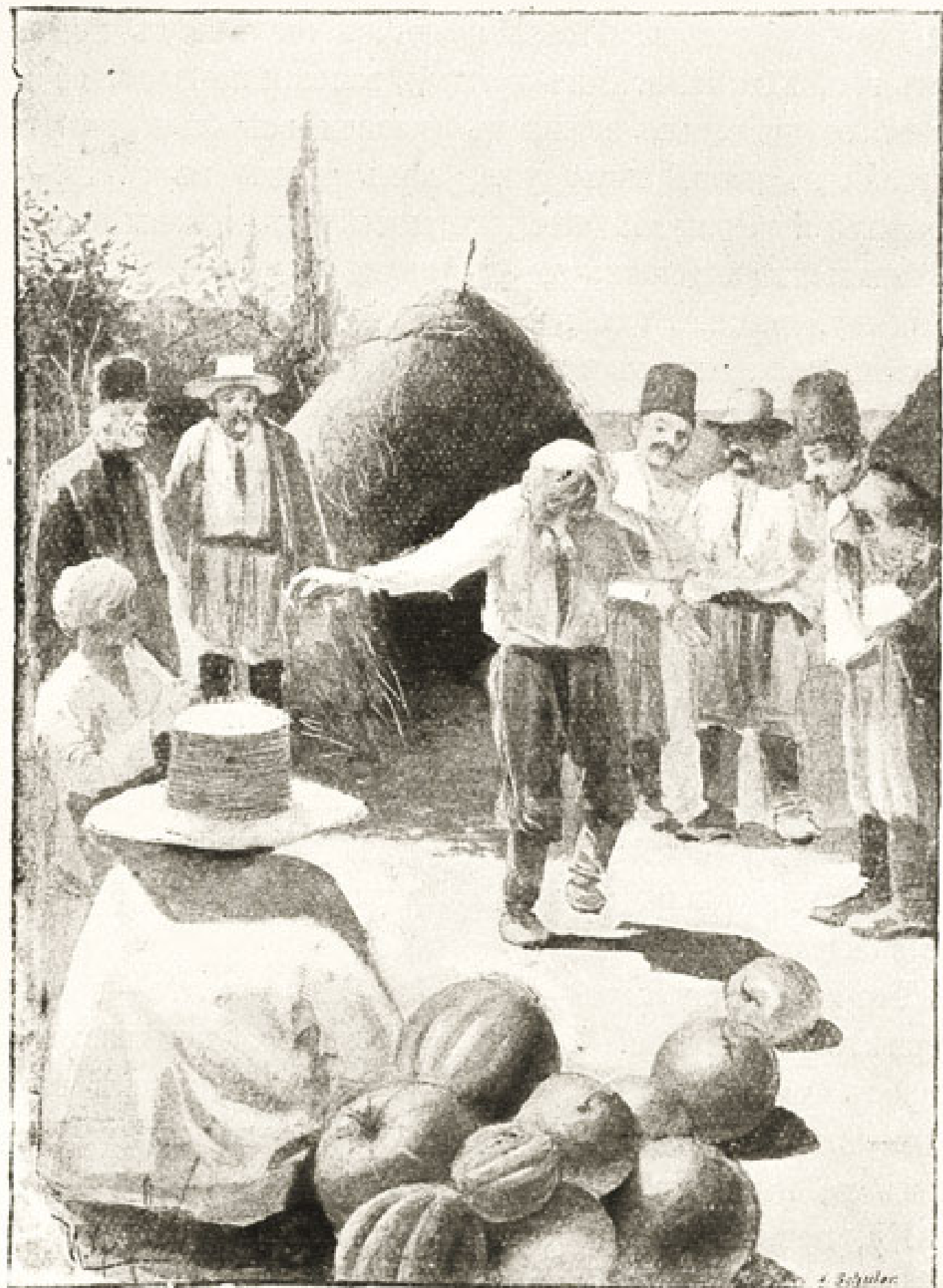
«Что-жъ вы, хлопцы», сказалъ дѣдъ: «рты свои разинули? танцуйте, собачьи дѣти! Гдѣ, Остапъ, твоя сонилка? А ну-ка козачка! Оома, берись въ боки! Ну! вотъ такъ! Гей, гошъ!»

Я былъ тогда малый подвижной. Старость проклятая! Теперь уже не пойду такъ; вмѣсто всѣхъ выкрутасовъ, ноги только спотыкаются. Долго глядѣлъ дѣдъ на насъ, сидя съ чумаками. Я замѣчаю, что у него ноги не постоятъ на мѣстѣ: такъ, какъ будто ихъ что-нибудь дергаетъ.

«Смотри, Оома», сказалъ Остапъ: «если старый хрѣнь не пойдетъ танцовать!»

Что-жъ вы думаете? не успѣлъ онъ сказать—не вытерпѣлъ старичина! Захотѣлось, знаете, прихвастнуть передъ чумаками. «Вишь, чортовы дѣти! развѣ такъ танцуютъ? Вотъ какъ танцуютъ!» сказалъ онъ, поднявшись на ноги, протянувъ руки и ударивъ каблуками.

Ну, нечего сказать, танцовать-то онъ танцевалъ такъ, что хоть бы и съ гетьманшею. Мы посторонились, и пошелъ хрѣнь вывертывать ногами по всему гладкому мѣсту, которое было возлѣ грядки съ огурцами. Только-

«Вотъ какъ танцуютъ!» сказалъ дѣдъ, поднявшись на ноги, протянувъ руки и ударивъ каблуками (стр. 9).

что дошелъ однакожь до половины и хотѣлъ разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку, — не поднимаются ноги, да и только! Что за пропасть! Разогнался снова, дошелъ до середины — не беретъ! Что хочь дѣлай — не беретъ, да и не беретъ! Ноги, какъ деревянные, стали. «Вишь дьявольское мѣсто! вишь сатанинское наважденіе! Впутается же Продь, врагъ рода человѣческаго!» Ну, какъ надѣлать сраму передъ чумаками? Пустился снова и началъ чесать дробно, мелко, любо глядѣть; до середины — нѣтъ! не вытанцывается, да и полно! «А, шельмовскій сатана! чтобъ ты подавился гнилою дынею! чтобъ еще маленькимъ издохнулъ, собачій сынъ! Вотъ на старость надѣлалъ стыда какого!..» И въ самомъ дѣлѣ сзади кто-то засмѣялся.

Оглянулся: ни баштану, ни чумаковъ, ничего; назадн, впереди, по сторонамъ — гладкое поле. «Э! ссс... вотъ тебѣ на!» Началъ прищуривать глаза — мѣсто, кажись, не совсѣмъ незнакомое: сбоку лѣсъ, изъ-за лѣса торчалъ какой-то шестъ и видѣлся прочь-далеко въ небѣ. Что за пропасть? Да это голубятня, что у пона въ огородѣ! Съ другой стороны тоже что-то сѣрѣеть; взглядѣлся: гумно волостного писаря. Вотъ куда затащила нечистая сила! Поколесивши кругомъ, наткнулся онъ на дорожку. Мѣсяца не было: бѣлое пятно мелькало вмѣсто него сквозь тучу. «Быть завтра большому вѣтру!» подумалъ дѣдъ. Глядь — въ сторонѣ отъ дорожки на могилкѣ вспыхнула свѣчка. «Вишь!» Сталъ дѣдъ, и руками подперся въ боки, и глядитъ: свѣчка потухла; вдали и немного подалѣе загорѣлась другая. «Кладь!»

Мѣсто, кажись, не совсѣмъ незнакомое: сбоку лѣсъ, изъ-за лѣса торчалъ какой-то шестъ и видѣлся прочь-далеко въ небѣ (стр. 11).

закричалъ дѣдъ: «я ставлю, Богъ знаетъ что, если не кладь!» И уже поплевалъ было въ руки, чтобы копать, да спохватился, что нѣтъ при немъ ни заступа, ни лопаты. «Эхъ, жаль! Ну, — кто знаетъ? — можетъ-быть, стòитъ только поднять дернъ, а онъ тутъ и лежитъ, голубчикъ! Нечего дѣлать, назначить, по крайней мѣрѣ, мѣсто, чтобы не позабыть послѣ!»

Вотъ перетянувши сломленную, видно, вихремъ, порядочную вѣтку дерева, навалилъ онъ ее на ту могилку, гдѣ горѣла свѣчка, и пошелъ по дорожкѣ. Молодой дубовый лѣсъ сталъ рѣдѣть; мелькнулъ плетень. «Ну, такъ! не говорилъ-ли я», подумалъ дѣдъ: «что

Глядь—въ сторонѣ отъ дорожки на могилкѣ вспыхнула свѣчка (стр. 11).

это попова левада?
 Вотъ и плетень его!
 Теперь и версты нѣтъ
 до бантана».

Поздненько, одна-
 кожъ, пришелъ онъ до-
 мой, и галушекъ не за-

Вотъ перетянувши сломленную, видно, вихремъ, порядочную вѣтну дере-
 ва, навалилъ онъ ее на ту могилку, гдѣ горѣла свѣчка (стр. 12).

И пошел по дорожкѣ. Молодой дубовый лѣсъ сталъ рѣдѣть (стр. 12).

хотѣлъ ѣсть. Разбудивши брата Остапа, спросилъ только, давно-ли уѣхали чумаки, и завернулся въ тулупъ. И когда тотъ началъ было спрашивать: «А куда тебя, дѣдъ, черти дѣли сегодня?» — «Не спрашивай», сказалъ онъ, завертываясь еще крѣпче: «не спрашивай, Остапъ: не то — посѣдѣешь!» И захрапѣлъ такъ, что воробьи, которые забрались было на баштанъ, поподымались съ перепугу на воздухъ. Но гдѣ ужъ тамъ ему спалось? Нечего сказать, хитрая была бестія, — дай Боже ему царствіе небесное! — умѣлъ отдѣлаться всегда. Иной разъ такую запоетъ пѣсню, что губы станешь кусать.

На другой день, чуть только стало смеркаться въ полѣ, дѣдъ надѣлъ свитку, подпоясался, взялъ подъ мышку заступъ и лопату, надѣлъ на голову шанку, выпилъ кухоль сыровцу, утеръ губы полою, и пошелъ прямо къ попову огороду. Вотъ минулъ и плетень, и низенькій дубовый лѣсъ. Промежъ деревьевъ вьется дорожка и выходитъ въ поле; кажись, та самая. Вышелъ и на поле — мѣсто точь-въ-точь вчерашнее: вонъ и голубятня торчитъ; но гумна не видно. «Нѣтъ, это не то мѣсто. То, стало-быть, подалѣе; нужно, видно, повернуть къ гумну!» Поворотилъ назадъ, сталъ идти другою дорогою — гумно видно, а голубятни нѣтъ! Опять повернулъ поближе къ голубятнѣ — гумно спряталось. Въ полѣ, какъ нарочно, сталъ накрапывать дождикъ. Побѣжалъ снова къ гумну — голубятня пропала; къ голубятнѣ — гумно пропало.

«А чтобъ ты, проклятый сатана, не дождалъ дѣтей своихъ видѣть!» А дождь пустился какъ изъ ведра.

Вотъ, скинувши новые сапоги и обвернувши въ хустку, чтобы не покоробились отъ дождя, задалъ онъ такого бѣгуна, какъ будто панскій иноходецъ. Влѣзь въ курень, промокши насквозь, накрылся тулупомъ и принялся вор-

Скинувши новые сапоги и обвернувши въ хустку, задалъ онъ такого бѣгуна, какъ будто панскій иноходецъ (стр. 17).

чать что-то сквозь зубы и приголубливать чорта такими словами, какихъ я еще отъ роду не слыхивалъ. Признаюсь, я бы, вѣрно, покраснѣлъ, если бы случилось это среди дня.

На другой день проснулся, смотрю: уже дѣдъ ходитъ по бантану, какъ ни въ чемъ не бывало, и прикрываетъ лопухомъ арбузы. За обѣдомъ опять старичина разговорился, сталъ пугать меньшого брата, что онъ обмѣняетъ его на куръ вмѣсто арбуза; а, пообѣдавши, сдѣлалъ самъ изъ дерева пищикъ и началъ на немъ играть; и далъ намъ забавляться дыню, свернувшуюся въ три погибели, словно змѣю, которую называлъ онъ турецкою. Теперь такихъ дынь я нигдѣ и не видывалъ: правда, сѣмена ему что-то издалека достались.

Ввечеру, уже повечерявши, дѣдъ пошелъ съ заступомъ проконать новую грядку для позднихъ тыквъ. Сталъ проходить мимо того заколдованнаго мѣста, не вытерпѣлъ, чтобы не проворчать сквозь зубы: «проклятое мѣсто!» взошелъ на середину, гдѣ не вытанцовалось позавчера, и ударилъ въ сердцахъ заступомъ. Глядь—вокругъ него опять то же самое поле: съ одной стороны торчитъ голубятня, а съ другой гумно. «Ну, хорошо, что догадался взять съ собою заступъ. Вонъ и дорожка! вонъ и могилака стоитъ! вонъ и вѣтка навалена! вонъ-вонъ горитъ и свѣчка! Какъ бы только не ошибиться!»

Потихоньку побѣжалъ онъ, поднявши заступъ вверхъ, какъ будто бы хотѣлъ имъ поцѣловать кабана, затесавшагося на бантанъ, и остановился передъ могилою. Свѣчка погасла; на могилѣ лежалъ камень, заросшій травою. «Этотъ камень нужно поднять!» подумалъ дѣдъ, и началъ обкапывать его со всѣхъ сторонъ. Великъ проклятый камень! Вѣтъ, однакожь, упершись крѣпко ногами въ землю, шихнулъ онъ его съ могилы. «Гу!»

Упершись крѣпко ногами въ землю, пихнулъ онъ камень съ могилы
(стр. 18).

пошло по долинь. «Туда тебѣ и дорога! теперь живѣе пойдетъ дѣло».

Тутъ дѣдъ остановился, досталъ рожокъ, насыпалъ на кулакъ табаку, и готовился было поднести къ носу, какъ вдругъ надъ головою его «чихи!» чихнуло что-то такъ, что покачнулись деревья и дѣду забрызгало все лицо. «Отворотился хоть бы въ сторону, когда хочешь чихнуть!» проговорилъ дѣдъ, протирая глаза. Осмотрѣлся—никого нѣтъ. «Нѣтъ, не любить, видно, чортъ табаку!» продолжалъ онъ, кладя рожокъ въ пазуху и принимаясь за заступъ. «Дурень же онъ, а такого табаку ни дѣду, ни отцу его не доводилось нюхать!» Сталъ конать — земля мягкая, заступъ такъ и уходитъ. Вотъ что-то звукнуло. Выкидавши землю, увидѣлъ онъ котель.

«А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» вскрикнулъ дѣдъ, подсовывая подъ него заступъ.

«А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» запищаль птичій носъ, клюнувши котель.

Посторонился дѣдъ и вынулъ заступъ.

«А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» заблеяла баранья голова съ верхушки дерева.

«А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» заревѣлъ медвѣдь, высунувши изъ-за дерева свое рыло. Дрожь проняла дѣда.

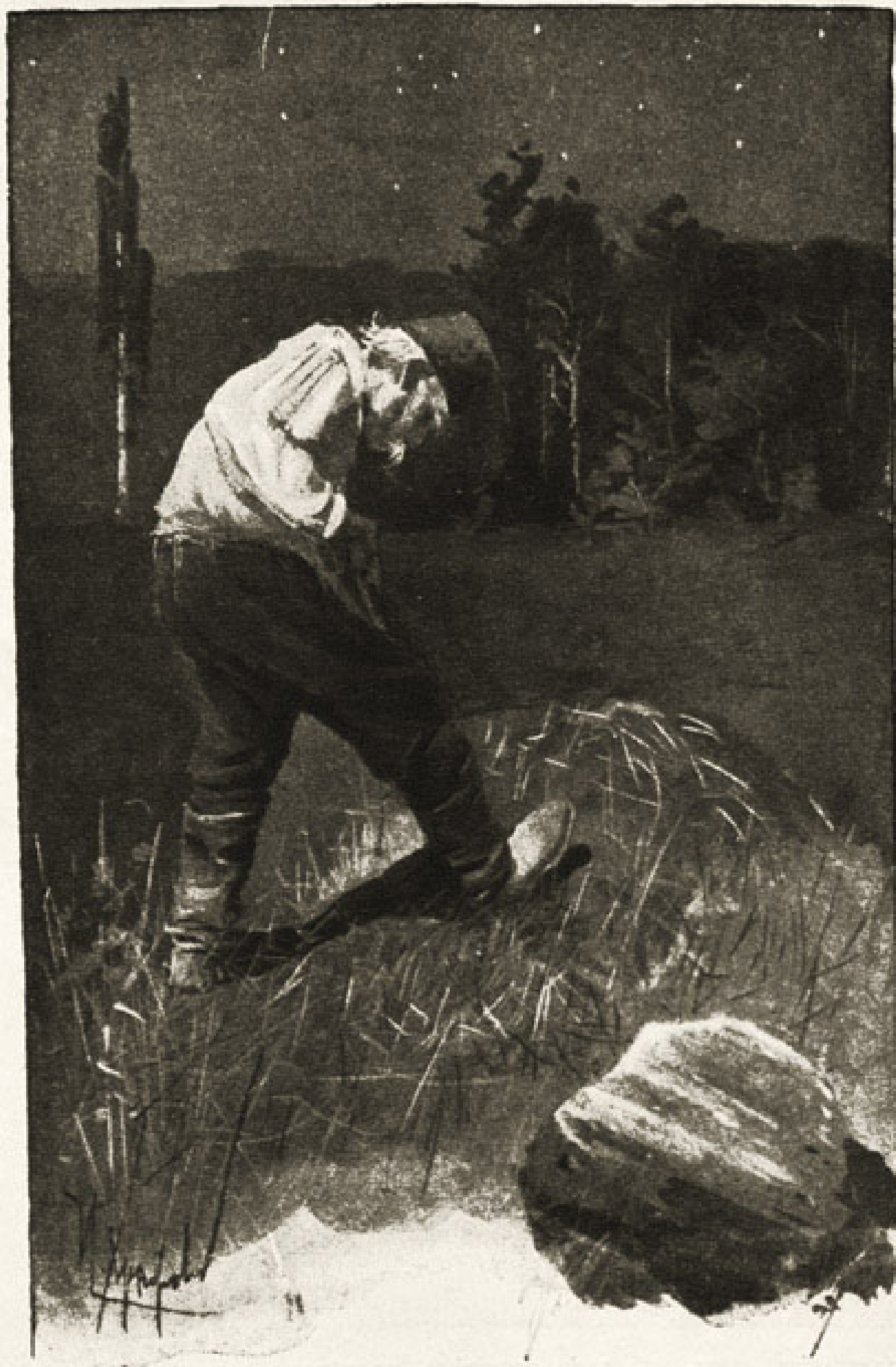
«Да тутъ страшно слово сказать!» проворчалъ онъ про себя.

«Тутъ страшно слово сказать!» пискнулъ птичій носъ.

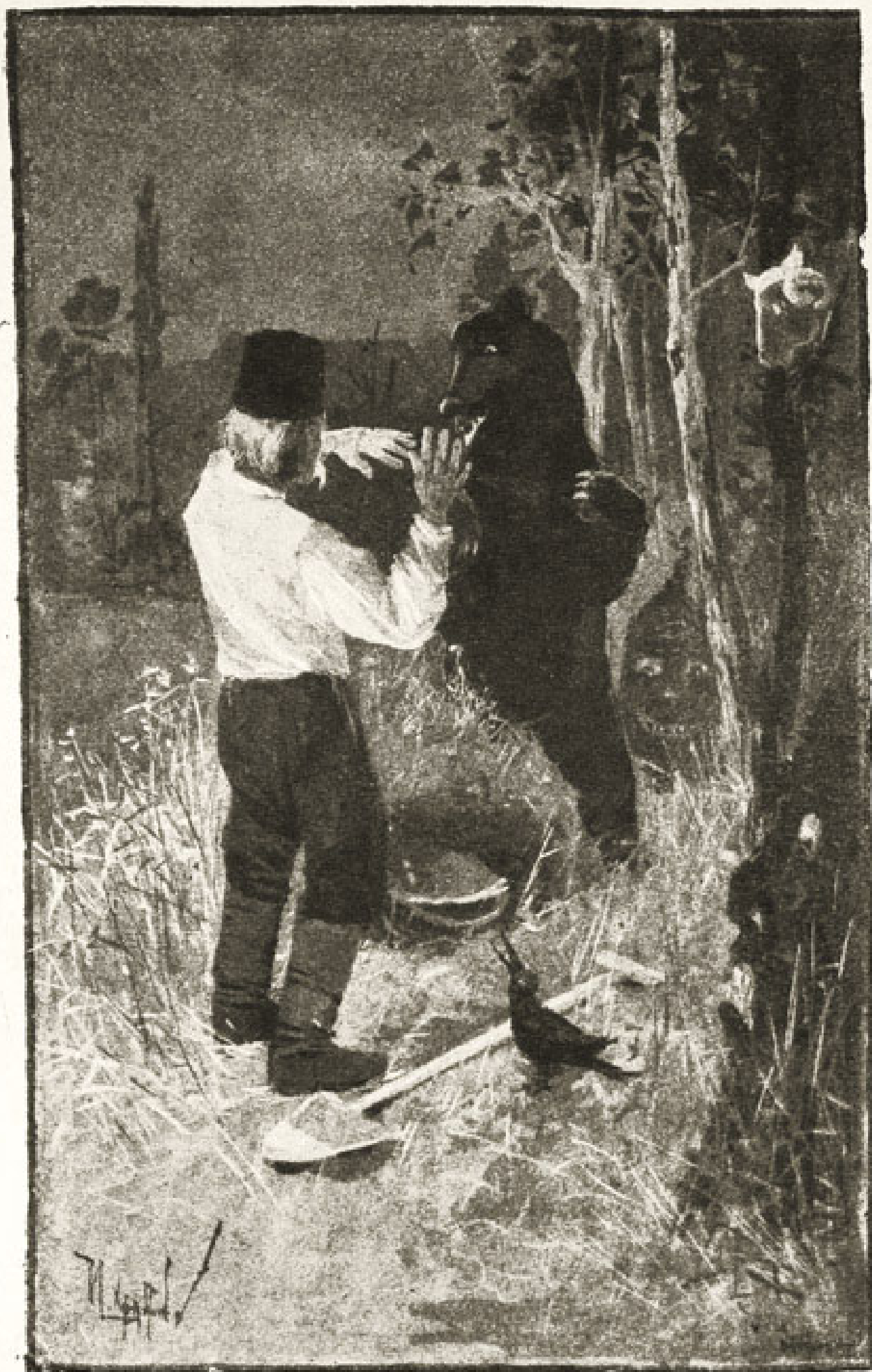
«Страшно слово сказать!» заблеяла баранья голова.

«Слово сказать!» ревнолъ медвѣдь.

«Гмъ...» сказалъ дѣдъ, и самъ перелугался.

Сталь копать—земля мягкая, заступъ такъ и уходитъ (стр. 20).

«А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» заревѣлъ медвѣдь, высунувши изъ-за
дерева свое рыло (стр. 20).

«Гмь!» проищаль носъ.

«Гмь!» проблеяль баранъ.

«Гумь!» заревѣль медвѣдь.

Со страхомъ оборотился дѣдъ: Боже ты мой, какая ночь! ни звѣздъ, ни мѣсяца; вокругъ провалы; подъ ногами круча безъ дна; надъ головою свѣсилась гора, и вотъ-вотъ, кажись, такъ и хочетъ оборваться на него! И чудится дѣду, что изъ-за нея мигаетъ какая-то харя: у! у! носъ — какъ мѣхъ въ кузницѣ; ноздри — хоть по ведру воды влей въ каждую! губы, ей Богу, какъ двѣ колоды! красныя очи выкатились наверхъ, и еще и языкъ высунула, и дразнить! «Чортъ съ тобою!» сказалъ дѣдъ, бросивъ котель. «На тебѣ и кладъ твой! Экая мерзостная рожа!» И уже ударился было бѣжать, да оглядѣлся и сталъ, увидѣвши, что все было попрежнему. «Это только пугаетъ нечистая сила!»

Принялся снова за котель—нѣтъ, тяжелъ! Что дѣлать? Тутъ же не оставить! Вотъ, собравши всѣ силы, ухватился онъ за него руками: «Ну, разомъ, разомъ! еще, еще!» и вытащилъ. «Ухъ! теперь понюхать табаку!»

Досталъ рожокъ. Прежде, однакожъ, чѣмъ сталъ насыпать, осмотрѣлся хорошенько, нѣтъ ли кого. Кажись, что нѣтъ; но вотъ чудится ему, что пень дерева нытитъ и дуется, показываются уши, наливаются красныя глаза, ноздри раздулись, носъ померщился, и вотъ, такъ и собирается чихнуть. «Нѣтъ, не понюхаю табаку!» подумалъ дѣдъ, спрятавши рожокъ: «онякъ заплуетъ сатана очи!» Схватилъ скорѣе котель и давай бѣжать, сколько доставало духу; только слышитъ, что сзади что-то такъ

и чесеть прутьями по ногамъ... «Ай! ай! ай!» покрикивалъ только дѣдъ, ударивъ во всю мочь; и какъ добѣжалъ до попова огорода, тогда только перевелъ немного духъ.

«Куда это зашелъ дѣдъ?» думали мы, дожидаясь часа три. Уже съ хутора давно пришла мать и принесла горшокъ горячихъ галушекъ. Нѣтъ, да и нѣтъ дѣда! Стали опять вечерять сами. Послѣ вечери вымыла мать горшокъ и искала глазами, куда бы вылить помой, потому что вокругъ все были гряды; какъ видить, идетъ прямо къ ней навстрѣчу кухва. На небѣ было таки темненько. Вѣрно, кто-нибудь изъ хлопцевъ, шая, спрятался сзади и подталкиваетъ ее. «Вотъ кстати, сюда вылить помой!» сказала и вылила горячіе помой.

«Ай!» закричало басомъ. Глядь — дѣдъ. Ну, кто его знаетъ! Ей Богу, думали, что бочка лѣзетъ! Признаюсь, хоть оно и грѣшно немного, а, право, смѣшно показалось, когда сѣдая голова дѣда вся была окунута въ помой и обвѣшана корками отъ арбузовъ и дынь.

«Вишь, чортова баба!» сказалъ дѣдъ, обтирая голову полою: «какъ опарила! какъ будто свинью передъ Рождествомъ! Ну, хлопцы, будетъ вамъ теперь на бублики! Будете, собачьи дѣти, ходить въ золотыхъ жупанахъ! Посмотрите-ка, посмотрите сюда, чтò я вамъ принесъ!» сказалъ дѣдъ и открылъ котель.

Чтò-жь бы, вы думали, такое тамъ было? Ну, по малой мѣрѣ, подумавши хорошенько: а? золото? Вотъ то-то, что не золото: соръ, дрызгъ... стыдно сказать, чтò

такое. Плюнулъ дѣдъ, кинулъ котель и руки послѣ того вымылъ.

И съ той поры заклиалъ дѣдъ и насъ вѣрить когда-либо чорту. «И не думайте!» говорилъ онъ часто намъ: «все, что ни скажетъ врагъ Господа Христа, все солжетъ, собачій сынъ! У него правды и на кофѣйку

Съдая голова дѣда вся была окунута въ помои и обвѣшана корками отъ арбузовъ и дынь (стр. 24).

пѣть!» И, бывало, чуть только услышитъ старикъ, что въ иномъ мѣстѣ не спокойно: «А, ну-те, ребята, давайте крестить!» закричитъ къ намъ: «такъ его! такъ его! хорошенько!» и начнетъ класть кресты. А то проклятое мѣсто, гдѣ не вытанцовалось, загородилъ плетнемъ, ве-

лѣль кидать все, что ни есть непотребнаго, весь бурьянъ и соръ, который выгребаль изъ баштана.

Такъ вотъ какъ морочить нечистая сила человѣка! Я знаю хорошо эту землю: послѣ того нанимали ее у батька подъ баштанъ сосѣдніе козаки. Земля славная, и урожай всегда бываль на диво; но на заколдованномъ мѣстѣ никогда не было ничего добраго. Засѣютъ, какъ слѣдуетъ, а взойдетъ такое, что и разобрать нельзя: арбузь— не арбузь, тыква — не тыква, огурецъ — не огурецъ... чортъ знаетъ, что такое!

